

Чу Хуайчжи снова отломил кусочек её сахарного пирожного и, распробовав, понял, что у него и правда особенный вкус.

Он вдруг о чём-то задумался и, изогнув губы в усмешке, посмотрел на неё:

— Вспоминая, какой холодной и неприступной ты была, когда только попала во дворец, сейчас ты стала просто невероятно нежной и заботливой.

Она улыбнулась:

— Раз император искренен со мной, я, естественно, отвечаю императору тем же.

Искренность? Разве это слово вообще может относиться к нему?

Чу Хуайчжи прищурился. Раньше его никогда не волновало чужое мнение, и, разумеется, никто не относился к нему искренне, а теперь Сюй Миньюэ смеет говорить ему об искренности...

Словно прочитав его мысли, Сюй Миньюэ с лёгкой улыбкой достала лист бумаги:

— Подаренные императором в прошлый раз минеральные краски уже пошли в дело, наложница написала картину.

На портрете Чу Хуайчжи сидел с величественным и строгим видом в тёмно-красном императорском халате с драконами. Подол наряда сверкал золотым порошком — роскошно и изысканно. Оставалось только гадать, сколько сил она в это вложила.

Чу Хуайчжи слегка замер: он никак не ожидал, что она настолько держит его в сердце.

— Ну как? Нравится? Повесить в Зале Сычэнь?

— Зачем еще в Зале Сычэнь?

— Чтобы другие женщины не могли прийти сюда и отнять у меня императора.

Он окинул её презрительным взглядом:

— Сюй Миньюэ, ты что, бочка с уксусом? Я — император, моя милость должна доставаться всем поровну.

— Мне всё равно, я непременно повешу её. И не только чтобы другие любовались, но чтобы и сам император день и ночь смотрел на неё и каждую секунду думал о наложнице.

— Тогда тебе следовало и себя нарисовать.

Она изобразила глубокую задумчивость:

— Значит... если я нарисую себя тоже, её можно будет повесить?

— Скажи что-нибудь приятное, и я велю её повесить.

(Уровень благосклонности +5)

Сюй Минъюэ вдруг подумала, что если этот двойной портрет повиснет на стене и она будет каждый день поднимать голову и видеть его — это же до безумия смешно. Прямо как культ предков, ведь такие штуки обычно держат в фамильных храмах.

Еще удивительнее было то, что она капризничает, а Чу Хуайчжи ей потакает!

— Император~ Император~ — принялась она ластиться, глядя на него сияющими глазами. — Видите, сколько труда наложница вложила, не расстраивайте же меня.

Чу Хуайчжи не удержался и ущипнул её за щеку, остановившись лишь тогда, когда она, скривившись от боли, прикрыла лицо руками и взвизгнула.

— У тебя вечно на уме одни проказливые мыслишки.

Как раз в тот момент, когда они предавались нежностям, снаружи раздался голос евнуха:

— Император, канцлер ожидает в кабинете.

Оба замерли. Чу Хуайчжи раздражённо бросил:

— Он жить надоел? О чём ещё говорить не на утреннем докладе, так и норовит докучать мне посреди дня. Прогнать его, у меня нет времени с ним возиться.

Сюй Минъюэ опустила взгляд, погружившись в раздумья. Чу Хуайчжи обернулся к ней:

— Что с тобой?

— Ничего, наложница лишь подумала, что канцлер, пожалуй, тоже не возвращался в поместье, а сидит и ломает голову над тем, что только что обсуждалось в Зале Двора. Вдруг он придумал контрмеру?

— Какое нам дело до него? Что за срочные дела — подождут до завтра.

— Но император же только что сам терзался из-за государственных забот, неужели теперь вам уже не терпится от них избавиться?

Он потёр переносицу: хоть ему и не хотелось в этом признаваться, он заметил, что стоило ему оказаться рядом с ней, как настроение неизменно чудесным образом улучшалось.

Раз уж настроение и так прекрасное, зачем ему снова лезть в эти государственные дела? Он же не мазохист!

— Император, сейчас на фронте обстановка накалена до предела, любое промедление подобно смерти. Если тянуть до завтра, вдруг случится ещё какая-нибудь беда? Если у него действительно есть толковый план, пусть выложит. А если он просто тратит время, наказывать его никогда не поздно.

Видя, что он всё ещё колеблется, она добавила:

— Разберётесь со всем сегодня, и завтра они больше не станут вам докучать.

Тогда он с неохотой поднялся на ноги:

— Тогда жди меня в Зале Сычэнь.

Сюй Минъюэ с облегчением выдохнула: если бы она только что не умаслила его, уговаривать его вряд ли бы удалось.

Канцлер уже долго стоял на коленях в кабинете, когда Чу Хуайчжи быстрыми шагами вошёл внутрь и уселся на драконий трон:

— Ты смерти ищешь? Что за срочные речи у тебя, раз их нельзя было высказать после аудиенции?

Канцлер дрожащим голосом произнёс:

— Император, ваш слуга уже обдумал контрмножество мер.

— Говори.

— Сейчас генерал пропал без вести и, должно быть, заперт в тылу врага. Высылать подкрепление из столицы уже поздно, однако можно отдать приказ заместителям командующего на фронте перебросить свежие силы из Хуачжуна, Чэньсу и Юйяня. Ваш слуга всё рассчитал: обычных воинов можно направить тысяч десять, а вдобавок отправить на поддержку три тысячи элитных бойцов.

— И на что сдались твои три тысячи элитников? — презрительно бросил он.

— У неприятеля нет наших столичных возможностей, в короткие сроки они не смогут стянуть другие силы и будут вынуждены снимать их с тыловых позиций. Мы можем отправить туда десятки тысяч солдат из гарнизонов: хоть это и не отрежет врагу пути снабжения, но задержит его продвижение. А три тысячи элитных воинов вместе с оставшимися у генерала силами более чем достаточны, чтобы переломить ход сражения и одержать победу.

От этих речей у Чу Хуайчжи заболела голова:

— Ладно-ладно, раз считаешь это возможным — пусть приступают к исполнению. Но предупреждаю: если на сей раз снова что-то пойдет не так, ты явишься ко мне собственной головой.

Он уже было собрался уходить, как канцлер снова окликнул его:

— Ваше Величество, у вашего слуги есть еще кое-какие слова, не знаю, стоит ли их произносить.

— Быстрее выкладывай.

— В последние дни простые жители города Гэ начали проявлять беспокойство, императору следует как можно скорее разобраться с правителем Гэ.

Произнося это, канцлер украдкой бросал взгляды на его лицо:

— Ваш слуга знает, что ныне благородная госпожа Сюй пользуется особым расположением, однако это касается лишь дел правителя Гэ и никак не затрагивает госпожу.

Эти слова словно напомнили Чу Хуайчжи о том, что Сюй Минъюэ всё-таки дочь Сюй Чжуэ.

Как же поступить с Сюй Чжуэ?..

Вернувшись в Зал Сычэнь, Чу Хуайчжи всё ещё пребывал в раздражении. Тем временем Сюй Миньюэ набрасала общие очертания фигуры.

Раз уж она рисует себя, то непременно нужно подобрать для себя красивый наряд и изысканные украшения.

Подняв голову и заметив вошедшего Чу Хуайчжи, она лучезарно улыбнулась:

— Император.

Чу Хуайчжи поджал губы, пристально глядя на стоявшую перед ним женщину.

Ему плевать на её происхождение, но его волнуют её мысли.

— Сюй Миньюэ, отвечай мне: ты по собственной воле согласилась стать моей благородной госпожой?

Она захлопала ресницами:

— С чего это император вдруг заговорил об этом? Сначала я вовсе не желала этого, но теперь-то вы и сами знаете: сердце наложницы принадлежит вам.

— Раз ты говоришь, что отдала мне сердце, значит ли это, что ты исполнишь любое моё повеление?

Сюй Миньюэ не понимала, почему он завёл такой разговор, когда всё было так хорошо.

— О каких делах говорит император?

Он перехватил её за подбородок, его взгляд потемнел:

— Сюй Миньюэ, мне всё равно, что ты думала раньше, но отныне ты обязана ставить меня на первое место, во всём и всегда подчиняться мне, и никто на свете не смеет стоять для тебя выше меня.

Какую дурь он снова спорол? Неужели натворил что-то за её спиной, за что ему теперь совестно?

Она растерялась, а Чу Хуайчжи повысил голос, проговорив со злой яростью:

— Ты вообще расслышала меня или нет?!

Сюй Минъюэ смахнула со стола краски, которые со звоном разлетелись по полу, но он продолжал неумолимо наседать на неё:

— Ни твой отец, никто другой не смеет быть важнее меня! И ты никогда, слышишь, никогда не смеешь предать меня! Поняла ты или нет?!

Она в испуге затараторила:

— Поняла, поняла!

— Отвечаешь так быстро, даже не подумав толком! Ты просто отделиваешься от меня отговорками!

— ...Наложница, наложница поистине не знает, что и сказать, у наложницы и в мыслях не было никаких дурных помыслов.

<http://bllate.org/book/18796/1826762>